

Философия экономики

Духовная драма современной России

© В.А.Волконский, 2000

Духовно-психологическое состояние общества имеет решающее значение для демографической динамики, а также для надежности институциональной системы – основы дееспособности государства и здоровой экономики. В настоящее время для человечества наиболее острой экзистенциальной проблемой становится проблема устройства общества, отношений между личностью и обществом, личностью и государством. В России создать дееспособное государство и объединяющую народ идеологию мешают расколы – между «западниками» и «патриотами», между коммунистами и христианами. Работа посвящена анализу непростых взаимоотношений социализма (коммунизма), понимаемых как духовное течение, постоянно присутствующее в человеческой истории, с христианством.

Значение духовности

В настоящее время у российской интеллигенции резко повысился интерес к религии. Многие ее представители всех возрастов приходят к Богу, становятся активными членами православных и иных религиозных общин. Но из-за отсутствия религиозного воспитания в детстве, знакомства с великими духовными богатствами, накопленными человечеством (по образованию и по роду занятий интеллигентны – преимущественно «технари» и «естественники»), это все же меньшинство. У большинства в ос-

нове их картины мира лежит атеизм и материализм, которые сами по себе не дают смысла жизни, усилий, постановки и достижения далеких целей. Но люди не осознают это как трагедию. Между тем серьезные исследования показывают, что этот феномен – потеря смысла бытия – оказывается важнейшим демографическим фактором. Зависимость демографической динамики от духовно-психологических факторов вполне надежно прослеживается на таких достоверных статистических показателях, как смертность от неинфекционных болезней, самоубийства, рост или сниже-

ние преступности, алкоголизм, наркомания. В работе [1] такие зависимости описаны на основе межстрановых и межрегиональных (по России) сопоставлений.

Снижение религиозности характеризовало не только Советский Союз с его политикой воинствующего атеизма, но и весь западный мир (а благодаря распространению западных идей и не только западный). Поэтому очень важно при изучении фактора духовности не ограничиваться только духовностью в форме религий: Дух дышит, где хочет. Надо сказать, что это ясно понимали и большинство мудрых церковных деятелей. Св. Августин писал: «Многие, по видимости стоящие вне (церкви), на деле находятся внутри, и многие, по видимости стоящие внутри, находятся вне» (цит. по: [2. С. 450]). Здесь хочется привести еще определение веры И. Ильиным: «Вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки» [3. С. 137]. Он утверждает, что «верят все». Хотя часто человек и сам не знает, что он верит и во что верит. Это люди «с дремлющей» верой. И жизненная буря может пробудить душу от сна, и окажется, что вера уже сложилась в бессознательных глубинах души, но только в час великой беды происходит ее осознание. По сути это представление о вере совпадает с представлением о бытии у экзистенциалистов: «Сознание – только пасть бытия». Определенное продвижение в понимании духовных явлений как в индивидуальной жизни, так и в жизни общества было достигнуто в рамках психоанализа, когда были введены понятия *сознание* и *бессознательное*, *Я* и *сверх-Я*, *социальные архетипы*, *психологические типы*.

Значение идеологии

Идеология – это комплекс взаимоувязанных идей и символов, определяющих, выявляющих общественно значимые ценности, цели и смыслы общества, народа или группы. Исторически значимой и долговечной оказывается идеология, которая не только основана на социально-экономических чертах объединяемой ею общности, но и отвечает определенным социальным архетипам, заложенным в бессознательном. Основой идеологий обычно служили национализм, мессианиззм. Они могут строиться на базе религий, мифов или с использованием их элементов. Такими идеологиями являются противостоящие друг другу на протяжении XIX – XX вв. либерализм и социализм.

Как можно объяснить мощное влияние этих идеологий, которое сопоставимо с влиянием мировых религий? До XVIII, а возможно, до XIX в. экзистенциальная драма истории разворачивалась в основном в рамках категорий Материальный мир – Дух (Бог, боги) – Человек. Общество с присущими ему стереотипами поведения и моральными оценками в мировоззренческом плане мыслилось наравне с природой как некая объективная данность, противостоящая Духу и Человеку, который выступал как личность или нерасчлененная общность (племя, народ, человечество). Между тем сами процессы борьбы с природой, ее подчинения, развития техники и естествознания уже перестали быть первостепенной экзистенциальной проблемой человечества, уже вытеснены из «горячего экзистенциального центра» (термин В. Янкова). Человек достаточно овладел природой,

обеспечил себе защиту от голода, холода, болезней. Сейчас главные опасности, стихии (а также «монстры», олицетворяющие их в мифах) уже не вне человечества (как природа), а в нем самом. Никогда Человек не был так могуч. И поэтому, как говорил Ежи Лец, «опасайтесь людей, они способны на великие дела!».

Параллельно по мере увеличения проточеловеческих и человеческих сообществ (стаи, семейства, роды, племена) усложнялась проблема механизмов обеспечения порядка и взаимодействия внутри сообщества, его внутренней структуры и правил поведения. Эти механизмы развивались по линии как моральных и культурно-идеологических принципов и ограничений, так и создания все более сложных организаций. Апофеозом на этом пути явилось возникновение государства.

Эта новая форма организации общества, судя по устойчивости, была гораздо более эффективна, чем прежние. Так, в Египте она просуществовала без значительных изменений до завоевания персами в VI в. до н.э. Эффективность государственной организации объясняется ее экономической необходимостью для строительства ирригационных сооружений, управления работами в условиях сезонной цикличности, создания больших запасов для страхования от стихийных бедствий и т.д. Со времени образования древнейших государств в Египте и Месопотамии в 3-м тысячелетии до н.э. проблемы устройства общества не только попадают в сферу сакрального, но и занимают там центральное место. Ключевое значение для устойчивости государственной власти имело ее объединение с властью духовной. Смысл са-

мого культа в большей части состоял в обожествлении царя (фараона). В Египте фараон отождествлялся с богом Ра – солнцем, с Гором, сыном Осириса (бога плодородия) и с самим Осирисом. Царей Ура и Вавилона также отождествляли с солнцем, богом плодородия и деревом жизни, дающим воду.

Следуя К. Ясперсу [4], можно сказать, что духовный фундамент двухтысячелетней истории человечества после Рождества Христова был заложен в период «осевого времени истории» (середина–конец 1-го тысячелетия до н.э.). Греческая философия, проповеди израильских пророков, буддизм, конфуцианство, а также христианство апеллируют к душе отдельного человека, к его разуму, совести, к его личной ответственности перед Богом. После этого появилась возможность идеологического противопоставления отдельного человека и народа, племени, государства. Но до последнего времени в мировых религиях собственно социальной проблематике отводилась второстепенная роль. Даже наиболее «социальные» из мировых религий – христианство и мусульманство – ограничивались требованиями к личному поведению, оставляя общественное устройство в компетенции Бога (или кесаря), а не обыкновенного человека. Между тем становится все более очевидным, что наиболее «горячие» для человечества вопросы сейчас именно устройство общества, отношения между личностью и обществом, личностью и могущественными частными организациями и группами, между различными духовными и идеологическими системами, определяющими смысл общественного бытия.

На языке теории цивилизаций

По моему мнению, самая серьезная проблема современного развития человечества наиболее адекватно формулируется на языке теории цивилизаций. В XI–XIII вв. в Европе формируются основы того духовного, культурного, экономического, социального движения, которое обозначается как западная цивилизация. Ее важнейшей компонентой несколько позже стало доминирование хозяйственных критериев и мотивов деятельности и даже более конкретно – товарно-денежных отношений, так что можно говорить о возникновении экономической цивилизации [5]. На протяжении предшествующей истории параллельно усложнению и совершенствованию государства и иных форм организации шло развитие взаимодействий рыночного типа, культуры товарообмена и товарно-денежных отношений, которые имеет смысл в отличие от натурального хозяйства рассматривать как особый способ хозяйственной деятельности – экономическое хозяйство. В конце средних веков в Западной Европе экономическое хозяйство заняло господствующее положение. Западная цивилизация оказалась гораздо более успешной по сравнению с другими цивилизациями в отношении развития техники, науки, производительных сил. В ее рамках была создана богатейшая культура. Сформировалась идеология Прогресса (в основном научно-технического) как главной цели развития человечества.

О. Шпенглер определяет общую субстанцию западной цивилизации как деятельность и волю к власти. Во всех предшествующих цивилизациях идеалом было то или другое (стационарное) состояние. Ев-

ропейская принесла в мир иной смысл бытия – постоянное движение, преодоление всех пределов, становление, деяние. «Жизнь важна постольку, поскольку она есть деятельность» [6. С. 541].

Здесь главный разрыв Запада с восточной традицией созерцания, медитации, отвержения материального во имя духовного.

Сначала (в конце средних веков) экономическое хозяйство расширилось и укреплялось относительно медленно, поскольку его мотивации и нравственные установки серьезно контрастировали с господствовавшей религией. Христианство того времени было достаточно близко к изначальному, пришедшему из другой, предшествующей цивилизации. Еще в «Декрете Грациана» – основополагающем трактате по каноническому праву, составленном итальянским монахом в 1140 г., говорится: «Занятие отрицает досуг и не ищет подлинного покоя, который и есть Бог.. Поистине всему, что есть в этом мире, надлежало бы быть общим достоянием всех людей» (цит. по: [7. С. 59]). Для экономической (может быть, точнее – меркантильной) цивилизации нужна была религиозная санкция. Понадобилось даже рождение новой конфессии – протестантизма. Это удивительный факт, что в рамках христианской религии, изначально осуждавшей стремление к богатству и подтверждавшей это на протяжении почти всех средних веков, родилось учение протестантизма, которое фактически освятило религиозной санкцией превращение стремления к материальному успеху во всепоглощающую страсть. В восточном христианстве (православии) сохранилось гораздо больше элементов изначального христианского учения.

Постепенно выявлялись негативные стороны экономической цивилизации: это, во-первых, все более усиливающаяся неустойчивость, нестабильность общественных структур и связей, порождающие угрозу военных, социально-экономических, экологических и иных катастроф; во-вторых, ослабление нравственных ограничений, распад сложившихся духовных (религиозных) и культурных общностей, что ведет к усилению структур, не контролируемых обществом (международные финансовые группы, транснациональные корпорации и параллельно с ними чисто криминальные, мафиозные организации); в-третьих, сокращение реального разнообразия социально-экономических укладов, духовных и культурных установок и типов поведения («экономический тоталитаризм») в результате вовлечения все большей массы населения Земли в условия жизни, соответствующие экономической цивилизации, когда главным мерилom успеха служат деньги, а стимулом – мечта (для большинства людей недостижимая) о жизни по стандартам «золотого миллиарда».

Духовный кризис европейской (точнее, западной) цивилизации отмечается едва ли не большинством крупных философов, по крайней мере, с конца XIX в. И это несмотря на великие достижения науки, техники, культуры! Констатируется упадок духовности, вытеснение неформальных и смысловых связей, скрепляющих общество, формальными и инструментальными. Нравственная и религиозная основа общественных институтов все больше заменяется формально-юридической, поддерживаемой насилием.

Ответом на экспансию экономической цивилизации стало быстрое нарастание авторитета социалистических учений внутри самой западной цивилизации и возникновение коммунистического движения на базе марксизма.

Запад и незападные цивилизации

Воздействие западной цивилизации на остальные цивилизации было сильным и многообразным. Некоторые из них нашли эффективный ответ на этот вызов (в терминах А. Тойнби). Другие оказались не в состоянии приспособиться к новым условиям и неуклонно теряют свои позиции в мире или даже исчезают.

Эффективные ответы незападных стран, приводящие их к пробуждению, усилению интеллектуального элемента в культуре, позже – к началу процесса индустриализации, состояли в восприятии ими некоего динамического ядра западной парадигмы при сохранении традиционной духовной основы, обеспечивающей единство общества и руководящую роль государства. Позже «прививку» западной идеологии прогресса стали называть модернизацией. Первыми примерами успешной модернизации служат реформы Петра Великого в России и Мэйдзи в Японии.

Во многих странах, не имевших такой прочной духовной основы, как в России и Японии, последствия экспансии стандартов западной цивилизации и культуры привели к негативным модификациям структуры общества и экономики и к зависимому или полузависимому положению. Проблемы этих стран были подробно изучены еще

в 60–70-е годы экономистами, группировавшимися вокруг ЭКЛА – Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и составившими теорию периферийного капитализма (см., напр., [8]).

Главная характерная черта периферийной экономики – наличие двух секторов, резко различающихся по технологическому уровню и рентабельности. Соответственно гигантский разрыв характеризует и занятых в этих секторах – по жизненным стандартам, социальному статусу, образовательному уровню и культурной ориентации. В результате реформ последнего десятилетия Россия приобрела все признаки типичной периферийной страны. Главным негативным результатом экспансии экономической цивилизации, по-видимому, следует признать ослабление и разрушение общественных связей и духовных ценностей, обеспечивающих единство и жизнеспособность общества, коллективов, социальных групп, предотвращающих развитие антиобщественных, антигосударственных сообществ и организаций. Мы в России сейчас увидели и прочувствовали эти результаты в наиболее наглядном варианте катастрофы, институционального вакуума, превращения нормально функционирующих государства и экономики в криминальное общество (см., напр., [9], [10]).

Сейчас многие, доказывая возможность быстрого экономического роста в России, перечисляют ее ресурсы: полезные ископаемые и географическое положение – «природный капитал», задел научно-технических открытий, новых технологий – «технологический капитал», высокий уровень образования и квалификации рабочей силы – «человеческий капитал» и т.д. Но

все эти виды капитала могут лежать без движения и иметь нулевую экономическую оценку, если государство недееспособно, если общество расколото, нет доверия к власти, нет стабильности и предсказуемости. Оказывается, что важнейшим ресурсом, капиталом, имеющим вполне реальную экономическую оценку, является духовное единство народа, позволяющее восстановить доверие к формальным и неформальным институтам.

Для духовной и интеллектуальной элиты страны главная стратегическая задача – сформировать объединяющую народ идеологию. Она должна отвечать духовным и психологическим особенностям и архетипам, составляющим ядро российской (православно-советской) цивилизации.

Тут мы сталкиваемся с первой линией раскола, разделяющей наше общество (как и в большинстве периферийных стран) на «западников» и «патриотов». Вопрос, отнюдь не решенный окончательно: если западная цивилизация такая богатая и успешная, то, возможно, самое мудрое – не отстаивать во что бы то ни стало сохранение своего духовного и идеологического своеобразия, а признать нашу цивилизацию «устаревшей», «неудачной», нашу историю цепью трагических ошибок и преступлений. Может быть, правы либеральные социологи, которые делят все общества на цивилизованные (те, которые восприняли западные стандарты и ценности) и традиционные (все остальные)? Видя распространение западной доминанты, многие задаются вопросом: можно ли сопротивляться прогрессу? И нужно ли?

Исходя из приоритетной ценности для человечества тех великих духовных богатств, которые накоплены незападными

цивилизациями, в частности российской, в архетипах их культуры, религии, типе общения и т.д., мы считаем, что позиция их сохранения и потому противостояния экспансии «экономической цивилизации» в настоящее время оправдана не только для патриотической, но и для интернационально ориентированной части духовной и интеллектуальной элиты.

Можно сразу предвидеть тревогу наших либералов-западников: о каком противостоянии идет речь? возвращаемся к квасному патриотизму и борьбе с космополитизмом? Нет, речь идет о защите многообразия духовной среды обитания человека, многополярного мира, о диалоге живых цивилизаций. А чтобы был возможен диалог, с каждой стороны должен быть Субъект, осознающий себя как некую духовную целостность.

Вторая линия раскола проходит между сторонниками социализма (или коммунизма) и патриотической частью их противников. Духовной основой последних чаще всего служит христианство, точнее, православие. Оставшаяся часть статьи будет посвящена непростым вопросам о возможности и необходимости их сближения (близкая постановка вопроса дана в [11. С. 5–9], см. также [12. С. 30, 35]).

О каком социализме идет речь

Когда говорят о христианстве, никому не нужно объяснять, что это такое. Смысл этого понятия вполне однозначно определяется канонизированным текстом Евангелия. Учения социализма и коммунизма в принципе не могут обладать такой однозначнос-

тью, поскольку они претендуют на роль идеологии, отражающей быстро меняющуюся социально-экономическую и политическую ситуацию и дающей решение конкретных проблем. В разных странах и в разные периоды эти учения принимали разные формы. Невозможно замкнуть социализм в рамки марксизма-ленинизма, хотя, несомненно, данная им картина капитализма и трактовка основных его проблем сохраняет актуальность.

Одной из причин поражения системы реального социализма в 1991 г. явилась изоляция идеологии, стремление сохранить монополию той ее версии, в которой она одержала свои великие победы и понесла тяжелые поражения в XIX–XX вв., не допустить появления новых версий. Одним из первых, кто еще до ельцинско-гайдаровской «реформы» в 1990 г. предсказал все ее основные катастрофические последствия и указал на необходимость коренного обновления коммунистической идеологии для спасения страны, был С. Кургинян [13].

Сейчас ясно, что многое требует обновления: в то же время преемственность должна быть принципиальной установкой обновленного социализма. Главная цель, которой должна служить новая идеология, – объединение общества, в частности, устранение разрыва между поколениями, «распада цепи времен». И марксизм может и должен оставаться основой идеологии.

Значение Маркса не в том, что он дал единственно верную мировоззренческую, философскую установку для социалистического движения или единственно правильный подход к изучению человеческой истории. Наоборот, его значение в том, что он доказал непротиворечивость и плодот-

творность альтернативной теории и идеологии для нового времени, доказал, как Лобачевский, возможность построения экономической теории на иных гипотезах. Он разрушил монополию постулатов, на которых основывалась экономическая цивилизация, – рынок и «священная частная собственность». Положительное значение построения общества и экономики в СССР при всех трагических сторонах этого опыта состоит, в частности, в том, что было доказано и на практике, что общество на иных основах, чем экономическая цивилизация, может быть вполне жизнеспособным и эффективным.

В советский период появление самого учения социализма отождествлялось с рождением марксизма. Социалисты-утописты играли роль предтечи. Между тем социалистическая и коммунистическая тенденция просматривается на протяжении фактически всей истории существования человеческих сообществ. Социализм и коммунизм имманентны человеческой истории, это неотъемлемая, вечная ее компонента. Надо сказать, что это положение выдвинули и доказывали противники социализма (К. Виттфогель, И.Р. Шафаревич). Они использовали ссылку на происхождение социализма от восточных деспотий как очевидный для современного свободолобивого сознания компрометирующий факт. Однако для сторонников социализма и государственного начала, для которых либеральные ценности не являются высшими и окончательными, этот факт доказывает, наоборот, непреходящую ценность социалистического принципа и его огромный потенциал к обновлению и совершенствованию в современных условиях.

На мой взгляд, предельно широкое, но вполне содержательное понятие социализма выявляется как антитеза доминированию экономического, буржуазного сознания и индивидуалистического либерализма. В оппозиции «социализм – капитализм», «коммунизм – либерализм» социализм и коммунизм символизируют приоритетную ценность общего интереса (общества, коллектива, большинства граждан) по сравнению с ценностью частного интереса, прав личности и т.д. И тот и другой полюсы в исторической практике и в теоретических и духовных учениях содержат как положительные, так и отрицательные элементы. Ни тот ни другой не являются полюсом Добра или полюсом Зла, проявлением стремления к жизни или «стремления к смерти» (как трактует социализм И. Шафаревич [14]).

Основные черты каждой идеологии оказываются в той или иной «дозе» необходимыми для жизни любого народа. Различие только в акценте, который делается на ценности общего или частного, коллектива или индивида. Поэтому отнесение того или иного уклада, строя жизни, конкретной экономики по одному признаку или небольшому их числу к социалистическому или к капиталистическому, точно так же как государственного устройства к демократическому или олигархическому, не может быть однозначным.

Речь идет именно о смысловой, целевой ориентации. Высокая ценность общества, государства означает не то, что индивид ничего не стоит (хотя, естественно, такие извращения в истории были), а что ценность общего, коллектива должна занимать приоритетное место, что индивид готов

жить и трудиться ради процветания и укрепления отечества, государства, что он ценит не только права, но и обязанности свои, свой долг перед обществом. Идея социализма включает и обязанность общества, государства перед каждым из его членов создать для каждого условия, гарантирующие реализацию его возможностей «по способности». Либерализм делает акцент не на обязанностях личности и общества, а на правах и свободах. Государство – это только средство: «Правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами» (Декларация прав человека и гражданина. 1973. Ст. 1).

Главный смысл противопоставления коммунизма буржуазному строю современной ему Европы К. Маркс с самых первых своих работ видел именно в «возвращении человека к самому себе как человеку о б щ е с т в е н н о м у» [15. С. 62–63].

Если согласиться с таким определением конституирующих принципов социализма и либерализма, точнее, с таким упрощенным их противопоставлением, то можно констатировать значительную близость идеологии социализма к тому духовно-психологическому субстрату, который характеризует российскую (восточную, православную) цивилизацию, ее архетипы и традиции в той же мере, в какой индивидуалистический либерализм характеризует западноевропейскую. Признание такого родства («сыновства») позволяет лучше понять расхождения между западной социал-демократией и «русским коммунизмом», понять, почему коммунистическая революция победила в отсталой России, а не в экономически и культурно более подготовленной

Европе. Такой «цивилизационный» подход позволяет объяснить, почему единственной (по крайней мере, в социально-экономической сфере) идеологией, успешно противостоящей идеологии экономической цивилизации, оказался социализм: это учение отражает коды и традиции незападных цивилизаций, в первую очередь российской, православной.

Как известно, и в Священном Писании (и в Ветхом, и в Новом Завете), и в реальной жизни христианских общин очень много элементов социализма.

Стоит вспомнить, как сурово покарал Моисей свой народ за то, что он поклонялся золотому тельцу.

Благая Весть Христа была для страждущих, алчущих и жаждущих правды: весть о том, что царство неправды, царство властных и богатых не вечно, что последние станут первыми.

Коммунизм должен и может быть наследником христианства, в первую очередь православия. Отказ от этого наследства в исторических масштабах времени был ошибкой. Осознав и приняв свое происхождение от христианства, социализм мог бы в союзе с ним выполнять роль его идейного течения, направляющего и исправляющего ход истории, принимающего разные облики в разные эпохи, но хранящего преемственность в течение веков и тысячелетий.

В нашей уверенности, что идея социализма может и должна быть очищена, преобразована (а для этого «легализована», «реабилитирована»), мы можем опереться на авторитет о. Сергия Булгакова, который в 30-е годы, уже увидев большевистскую реализацию социалистической идеи, писал, что можно и нужно отделить социализм

христианский от социализма безбожного. «В православном предании, в творениях вселенских учителей Церкви (св. Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.) мы имеем совершенно достаточное основание для положительного отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти». Там же С. Булгаков приводит слова Достоевского: «Православие есть наш русский социализм, – и добавляет: – Он хотел этим сказать, что в нем содержится вдохновение любви и социального равенства, которое отсутствует в безбожном социализме» [16. С. 209]. Призыв ко всеобщему братству, несомненно, происходит от проповеди любви к ближнему.

Что мешает сближению социализма и христианства?

До последнего времени в удивительном единодушии как сторонники так и противники социализма доказывали его несовместимость с духом христианства и представляли эти учения в качестве «естественных» антагонистов. Читая такое обвинение в работах даже достаточно глубоких интеллектуалов, чувствуешь себя неловко, настолько очевидна его политическая предвзятость и необъективность. Ведь весь сначала антицерковный, а потом и антирелигиозный пафос создан отнюдь не социалистами. Долгое время это было, пожалуй, главное течение (*main stream*) в европейской культуре. Вспомним вольтеровское «Раздавите гадину!».

Какие же элементы коммунистической идеологии особенно неприемлемы для христиан?

Таким камнем преткновения служит прежде всего материалистическая основа

коммунизма как в теории общественного развития, так и в философии. Но этот элемент вовсе не является специфическим для коммунистической теории, а тем более необходимым, обязательным для нее. В гносеологической части философии материализм есть логическое следствие общего упадка религии и развития науки. А идеи коммунистического типа возникали на протяжении всей писаной истории как в облики религиозной идеи, так и на вполне секулярной и атеистической основе.

В последние десятилетия накопилось много фактов, в частности, парапсихического характера, необъяснимых с точки зрения признанных физических теорий. В этих условиях доверие исключительно к научным методам познания, к логическим заключениям, опирающимся на данные пяти органов чувств, на «реальность, данную нам в ощущении», выглядит односторонностью, по меньшей мере неоправданным ограничением.

Естественно, что в каждом обществе значительная доля людей не приемлет материалистического мироощущения, сознавая его недостаточность в коренных (экзистенциальных) вопросах бытия, и больше доверяет интуитивным и мистическим прозрениям (своим или передаваемым церковью).

Более содержательна связь коммунистических и социалистических идей с материалистической социологией, конкретнее, с представлением, что жизнь общества определяется уровнем развития материального производства, экономическими интересами групп и слоев общества и экономическими отношениями. Такая концепция представляет собой один из вариантов ре-

дукционизма, попытки свести сложное явление к более простому. Другим вариантом редукционизма является широко распространенный моральный редукционизм. Образец такого редукционизма: «Все проблемы в обществе будут решены, когда люди будут выполнять правила морали (например, 10 заповедей)». Редукционизмом такого типа можно назвать философские взгляды Л. Толстого. Редукционизм, несомненно, необходимый этап научного познания любого явления. Однако в случае с обществом (как и с большинством сложных явлений) редукционистский подход помогает понять лишь одну сторону процесса и выделить, прояснить «несводимые» факторы. Материалистический взгляд на историю действительно оказался весьма плодотворным. Он помог К. Марксу дать удивительно полное и адекватное описание механизма капиталистического воспроизводственного механизма и уловить многие тенденции его развития. При этом он и Ф. Энгельс отдавали себе отчет, что «экономический момент» не является «единственным определяющим моментом» в развитии общества [17. С. 394–396]. Одним из «несводимых» факторов является идеология, как раз та «идея, овладевшая массами», которую формировали Маркс и Энгельс (кто-то назвал ее религией атеизма).

В смысле материалистического мироощущения марксизм есть наиболее последовательное порождение западной цивилизации с ее духом постоянной борьбы с чуждым и враждебным миром. XX век с предельной наглядностью показал, что чисто материалистическое объяснение истории невозможно, а с учетом современной науки и ненаучно. Характер движущих сил и

«правил игры» определяется в первую очередь смысловыми, духовными факторами. Для экономического рывка хозяйственная деятельность должна получить религиозную, духовную санкцию.

Однако основное направление критики материализма со стороны христианских мыслителей идет в отношении не подхода материалистов к описанию и анализу реальности, а его ценностно-нравственной стороны. Н. Бердяев, один из главных борцов против буржуазности и духа мещанства, осуждает капитализм и социализм как идеологии, противостоящие христианству, отпавшие от христианства, за то, что их идеал, их цели материальные, экономические. «И «буржуазия», и «пролетариат» той исторической эпохи, которая имеет стиль капиталистический и социалистический, являются собой измену и отпадение от духовных основ жизни. Первой совершила эту измену и отпала от основ жизни «буржуазия», и за нею пошел «пролетариат»» [18. С. 151].

Н. Бердяев точно констатирует всеобщее наступление «экономизма», который «сделался всепроникающим и всеопределяющим. Нигде от него нет спасения» [19. С. 150]. Он отождествляет его с бездуховностью, но ничего не говорит о том, можно ли приобщить к духовности современного человека, как противостоять этой общемировой деградации. Н. Бердяев относился к коммунистическим движениям скорее положительно. Он утверждал, что социально-экономическая система коммунизма вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская [19]. Однако в работе «Фило-

софия неравенства» [18. С. 153, 167], написанной еще в 1918 г., он делал акцент только на отрицательных сторонах коммунистической идеологии, отказываясь признавать ее отличие от идеологии буржуазной. И здесь его сентенции представляются совсем не убедительными. Приведем только две цитаты. «Социалисты не призывают накормить голодного и отдать последнюю рубашку ближнему. Они призывают голодного насильно отнимать. Они внушают бедному мысль, что богатство прекрасно, что доля богатого – завидная доля, и этим отравляют его бедное сердце». «Социальное движение построено исключительно на принципе классовый борьбы, культивирует не высшие, а низшие инстинкты человеческой природы. Оно является не школой самоотвержения, а школой корыстолюбия».

Вряд ли надо напоминать о многочисленных примерах массовой самоотверженности советских людей как в войну, так и в мирном труде. А всем, хотя бы поверхностно знакомым с марксизмом, не надо разъяснять, что коммунисты как раз призывают создать такое общество, где не было бы голодных и им не надо было бы отнимать у сытых. Вклад коммунистической идеи в духовное развитие человечества состоит как раз в том, что общество должно быть таким, где не только монахи, но и все люди могут не думать о своем личном богатстве, где буржуазные и мещанские заботы и цели теряют смысл. Думать о росте производства и благосостояния для всего общества, согласитесь, это совсем иная ступень духовности, чем заботиться о личном благосостоянии. Это уж никак не «культивирует низшие инстинкты человеческой природы».

Понятие свободы, освобождения не имеет конкретного содержания, пока не конкретизировано: свобода или освобождение – от чего? Западная идеология либерализма под свободой традиционно понимает свободу от вмешательства государства. Маркс использовал идеологически, точнее, даже религиозно заряженное понятие свободы как свободу от власти капитала, или (используя современный термин) от экономической цивилизации. Маркс пишет: «На место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания... Поэтому уничтожение частной собственности означает полную эмансипацию всех человеческих чувств и свойств» [15. С. 66–67].

В этом с Марксом смыкается христианский мыслитель о. Сергей Булгаков. Он пишет: «Христианская свобода – это свобода от хозяйственной заботы... Всегда чувствовать в себе сына Божия» означает, в частности, «охранять свою духовную свободу от хозяйства» [16. С. 10].

Необходимо признать высокий смысл и историческое оправдание общества «раннего социализма», построенного в СССР: было показано, что общество, основанное на таких принципах, может существовать и успешно развиваться. В обществе, в котором мы жили в СССР, заботы о материальном, мещанском богатстве действительно не занимали сколько-нибудь важного места в жизни. Много факторов виноваты в крушении этого общества, но не общая идея.

Фактором, гораздо более важным, чем теоретические расхождения, оказалась практика коммунистического режима в России, направленная на подавление церкви и религии в 20–30-е и 60-е годы. Эта

практика имеет свое объяснение (вопрос об оправдании не является задачей данной статьи).

Мысль, что коммунизм вовсе не только социально-экономическое учение, а обладает всеми чертами религии, высказывалась неоднократно. Для России, которая не прошла дисциплинирующей школы протестантизма, роль протестантской этики должна была выполнить коммунистическая идеология.

Борьба коммунистов с христианством, отрицание коммунистами великих духовных ценностей, накопленных мировыми религиями, отказ от своих христианских корней и даже их воинствующий атеизм – это явление, обусловленное тактическими, временными причинами и заблуждениями. В масштабах общей духовной истории это трагическое недоразумение.

Оценка результатов и потерь социалистической эпохи до сих пор раскалывает российское общество. Понять этот раскол невозможно, если отвергнуть религиозный, сверхличностный смысл бытия. Часть народа смотрит на это с рационально-бытовой точки зрения. Для нее в жертвах, которые принес российский народ на алтарь социализма, смысла нет. Есть только палачи и жертвы. Этим пользуются циники и разрушители. Для них герои революции и труда – только гротескные герои постмодернистской пьесы, которые, не имея собственных смыслов, живут тем, что играют чужими – еще живыми смыслами прошлого. Но для части народа социализм – это прежде всего поиск Смысла. Лагеря и гражданская война сопоставимы с инквизицией и крестовыми походами (даже против христианского же государства Византии и против христиан-

ских славянских племен). Во времена охоты на ведьм пустыли целые селения. Но ведь все это не основание, чтобы отвергнуть христианство.

Христианские критики социализма сопоставляют веру в коммунизм как окончательное разрешение основных общественных противоречий с хилиазмом – верой в Царство Божие на Земле, тысячелетнее царство праведников с воздаянием за мучения и наказанием за грехи – все во плоти. Хилиазм широко распространился в еврейской апокалиптической литературе еще во II–I вв. до н.э. и затем в учениях гностических сект, средневековых «социалистических» ересях. Христианская церковь узаконила трактовки хилиастических пророчеств по св. Августину как описание грядущего внутреннего преображения человека, как прозрение событий в духовной сфере, а не в материальной, телесной. Для современного мыслящего человека и для христианина в первую очередь очевидно, что идеального общества, Царства Божия на Земле быть не может. Но это не может отменить или опорочить вечное стремление к совершенствованию, к постоянному исканию Царства Божия. Здесь лучше всего сослаться на авторитет о. Сергия Булгакова: «Христианство имеет свою социальную и коммунистическую «утопию», которая совершается здесь, на земле, и имя ей на языке ветхозаветных и новозаветных пророчеств есть Царствие Божие, которое принадлежит в полноте своей будущему веку, по явлению будет – во свидетельство истины – и еще здесь, на земле» [16. С. 212–213].

Неприемлем в хилиазме для христианского сознания нигилизм, отрицание и даже ненависть к миру в целом, готовность

«разрушить все до основания», не только сложившийся социальный и экономический, но и весь духовный уклад. Это «безблагодатное» мироощущение особенно чуждо именно православию и всем основам нашей цивилизации.

Миру и всему бытию в православной ментальности присущ нравственный закон, выполнение которого создает ощущение включенности меня со всеми моими делами и стремлениями в глобальное целое. «Я» и «мое» не отделено резко от остального мира, от «не-Я». В западной ментальности преобладает принцип, по выражению М. Вебера, «целерационального» поведения, когда главное – результат действия, в восточной – «ценностно-рационального», когда главная ценность – правильная линия поведения, соответствующая этическим, эстетическим, религиозным или иным общим установкам независимо от достижения конкретного запланированного результата.

Владимир Соловьев определяет сущность, содержание всеобщего, абсолютного как «положительное всеединство», модусами (образами) которого являются благо, истина и красота. Соответственно познание, постижение этого всеединства возможно только путем синтеза эмпирического и рационального (научного) знания с мистическим, с этической и эстетической философией.

У социализма прошел период юношеской экзальтации. Сохранять в зрелом возрасте язык подростка можно только в качестве аллегории, если не хочешь оказаться смешным. Даже те, кто воспринимает все в терминах войны, должны понять, что сейчас время обороны. А оборонной доктрины у русского коммунизма нет. Ожидание ско-

рого рая на земле, а тем более радость разрушить весь мир, поскольку он лежит во зле (можно вспомнить М. Бакунина: «Радость разрушения – творческая радость»), – детская болезнь, которая сейчас преодолевается. Об этом надо ясно сказать. Это вовсе не лишает идею коммунизма героического вдохновения, лишает только состояния опьянения, когда пьяный не соразмеряет свои движения.

В православной традиции идея Святого Царства не содержала императива развития, совершенствования, поскольку образ его был статичным. Социальная и хозяйственная деятельность не имела значения религиозного действия. Этот недостаток был преодолен в XX в. фактическим превращением социализма в новую массовую религию – религию Истории. И не случайно основным духовным центром этого превращения стала Россия. Сам этот факт можно считать столь же великим прорывом в процессе вовлечения социальной и экономической деятельности в сферу смыслового, религиозного на Востоке, как и Реформация на Западе. Однако носителем этого прорыва стал безбожный социализм (в терминологии С. Булгакова).

Важнейший вопрос, разделяющий наше общество, можно поставить так. Превращение социализма в религию произошло в богоборческих и трагических формах. Является ли эта связь фатальной, неразрывной или это заблуждение, свойственное начальному периоду, и великая энергия социализма, стремление к идеальному обществу, стремление к идеальному устройству, к Царству Божию на Земле может раскрыться как важнейшая сторона боговоплощения, о котором писал С. Булгаков?

Отказ коммунизма от тоталитаристской нетерпимости и принятие православной церковью более активной позиции по отношению к социальным проблемам могли бы преодолеть их неестественный разрыв. В книге «Православие» С. Булгаков пишет: «Освящение и искупление и конечное преобразование относятся не только к личному бытию, но и к человеческому роду, к социальному бытию... И христианская общечеловечность несет эти новые заветы боговоплощения, которое... в наше время хочет раскрыться в области социальной... Христос есть Царь, и хотя царство Его не от мира сего, но оно совершается и в этом мире. Царская Харизма, данная Им церкви, зовет и нудит к историческому творчеству. И ныне имеющие уши, чтобы слышать, да внимлют громовым раскатам истории» [16. С. 212–213].

У коммунизма и православия много общих ценностей и задач. Им есть что заим-

ствовать друг у друга. Чтобы сохранить уникальную российскую цивилизацию, они должны стать союзниками. У коммунизма давно прошел период юношеского максимализма и нетерпимости. Формально ничто не мешает коммунисту ходить в церковь и крестить детей. А церковь всегда официально интересовалась только религиозными, но не политическими убеждениями прихожан. Но может ли человек, исповедующий коммунистическую веру, т.е. действительно подчинивший свою жизнь служению этой идее и готовый на серьезные жертвы ради нее, может ли он быть близок христианину? Думаю, они легко поймут друг друга именно потому, что оба подчиняют свою жизнь надличностной идее, духовному служению. Это люди одного психологического типа. «Имеющий уши да слышит, что Дух говорит церквам. Ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч!» (Откр. 3; 13, 15).

Литература

1. Гундаров И.А. Почему умирают в России, как нам выжить? М.: Медиа сфера, 1995.
2. Аверинцев С.С. Христианство //Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
3. Ильин И.А. Путь духовного обновления //Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.
4. Ясперс К. Истоки истории и ее цель //Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.
5. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия //Экономическая теория на пороге XXI века // Под ред. Ю.М. Осипова и Е.С. Зотовой. М.: Юрист, 2000.
6. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Минск: Попурри, 1998.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.
8. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: Ин-т Латинской Америки РАН, 1992.
9. Волконский В.А. Институциональные проблемы российских реформ. М.: Диалог МГУ, 1998.

10. *Волконский В.А.* Институциональный подход к проблемам кризиса российской экономики //Экономика и математические методы. 1999. Т.35. Вып.1.
11. *Львов Д.С.* Экономический манифест – будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000.
12. *Балакирев А.* Русская идея и советская идеология //Россия XXI. 1993. №8.
13. *Кургинян С.Е., Аутенишлюс Б.Р., Гончаров П.С. и др.* Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М.: Политиздат, 1990.
14. *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории //Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991.
15. *Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.* О коммунистической общественной формации. Т. 1. М.: Политиздат, 1987.
16. *Булгаков С.* Православие: Очерки учения православной церкви. Киев: Лыбедь, 1991.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37.
18. *Бердяев Н.* Философия неравенства. Paris: YMCA-Press, 1970.
19. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.